

Линь Юэюэ прожила двадцать лет и перепробовала в мыслях бесчисленное множество сценариев своей первой встречи с кумиром.

Пожать руку на автограф-сессии. Издалека встретиться взглядами в аэропорту. Поймать его указание на интерактив в зале во время концерта.

Каждую из этих картинок она до мельчайших деталей дорисовывала в голове и даже заносила на страницы личного дневника.

Но ей никогда и в страшном сне не приходило в голову — стоя в теле кумира перед собственнической больничной койкой, слушать собственный голос, звучащий с ледяной, почти дознавательской интонацией: — Значит, ты та самая девчонка, что впечатала меня в асфальт?

Эта фраза, словно раскаленная игла, точно вонзилась в нервные окончания совести Линь Юэюэ.

— Я... — она разомкнула губы, с ужасом обнаружив, что ее горло пересохло настолько, что не способно издать ни единого членораздельного звука. Голосовые связки Су Синьхао словно объявили забастовку: сколько бы усилий она ни прилагала, наружу вырывался лишь слабый шелест воздуха.

«Линь Юэюэ» на больничной койке не стала ее торопить — она просто молча смотрела на нее.

Что это был за взгляд?

Позже Линь Юэюэ потратила немало времени, прежде чем подобрала точное определение.

Оценка.

Словно интервьюер, разглядывающий профнепригодного соискателя, или режиссер, разочарованно критикующий провалившего пробы актера.

Бесстрастный, холодный, несущий в себе едва уловимую, давящую на грудь тяжесть.

Разве таким взглядом должна смотреть Линь Юэюэ?

Девушка по имени Линь Юэюэ с макушки до пят состояла из чистокровной робости. Ее два года травили в школе, а у нее не хватало духу даже пожаловаться учителям — куда уж там смотреть на кого-то свысока.

Значит, сейчас на нее чужими глазами действительно смотрел Су Синьхао.

— Прости, — наконец обрела голос Линь Юэюэ, опуская голову и не смея поднять взгляд на собеседника. — Я правда не со зла. Просто в тот момент ты... в тот момент ты улыбнулся мне, и я от избытка чувств...

— И впечаталась в меня?

Тон оставался ровным, в нем угадать эмоции не представлялось возможным.

Подбородок Линь Юэюэ опустился еще ниже.

— Угу, а потом в обморок рухнула.

Тишина.

В смотровой палате тикали лишь электронные часы монитора в углу — ритмично, бездушно, словно отсчитывая мгновения до неизбежного конца.

— И что теперь делать? — подала голос «Линь Юэюэ». Интонация по-прежнему поражала воображение своей ледяной рассудительностью — особенно для человека, только что пережившего обмен душами. — Мы что, вернулись обратно? Очевидно, нет. И как ты намерена расхлебывать эту кашу?

Линь Юэюэ остолбенела.

Она ждала, что Су Синьхао сорвется на крик, начнет допытываться, станет вести себя шумно и беспечно, как на командных шоу, бросая в сердцах: «Да ты шутишь!». Она уже приготовилась смиренно принять любую бурю — в конце концов, во всем была виновата она.

Но он молчал.

Он лишь спрашивал о дальнейших шагах, не одаривая ее даже фирменной улыбкой-скобочкой. Неужели в реальной жизни он почти никогда не улыбается? О чем он вообще думает? Что делать?

Это ледяное спокойствие пугало Линь Юэюэ сильнее любых криков.

— Я... — она сжала кулаки, впившись ногтями — нет, теперь следовало говорить: аккуратно подстриженными кончиками пальцев — в ладони, заставляя боль привести мысли в порядок. — Я и сама не знаю. Я думала, может, если мы столкнемся еще раз, нас поменяет обратно? Но

вдруг в процессе мы покалечимся...

— Если кто-нибудь из нас превратится в овощ или отбросит конки на месте, игра явно не стоила свеч, — закончил за нее собеседник так буднично, словно они обсуждали меню на обед. — К тому же, кто знает, к чему приведет удар головой о твердый предмет. Мой мозг еще пригодится мне для пения и танцев, а твой... Тебе же вроде еще в институте учиться?

Линь Юэюэ закивала, как заведенная китайская игрушка-болванчик.

— Да-да-да! Я на втором курсе, каникулы закончатся, и сразу на третий.

— Значит, пока проживем так. Тем временем я как раз отдохну от графиков.

— Что?

Линь Юэюэ решила, что ослышалась.

— Я сказал — пока побудем в таком положении. — «Линь Юэюэ» выпрямилась, прислонившись спиной к изголовью кровати, и сложила руки на одеянии. Поза ее была настолько прямой и собранной, что меньше всего напоминала человека, только что пришедшего в себя после падения сахара в крови, — скорее директора на планерке. — Раз уж мгновенно вернуть все назад не получается, не будем дергаться. До тех пор, пока мы не найдем выход, ты проживешь моей жизнью, а я — твоей.

Он произнес это с пугающей легкостью.

Так просто, словно заявлял: «На улице дождь, так что сегодня никуда не пойдем».

Линь Юэюэ открыла рот, пытаясь возразить хоть слово, но поняла, что аргументы испарились. Су Синьхао был прав: пока нет безопасного и надежного способа вернуть всё на круги своя, опрометчивые поступки лишь усугубят катастрофу.

К тому же...

К тому же она обратила внимание на одну деталь.

Су Синьхао от начала и до конца не выказал ни малейших признаков паники.

Никаких истерик, никакого срыва, никто не вцепился в волосы с криком: «За что мне это?!».

Казалось, ему хватило всего пары часов — вечера и ночи, — чтобы полностью принять

чудовищную реальность: он стал совершенно другим человеком.

Что это за стальные нервы? Неудивительно, что он стал звездой. Перед лицом шквала черного пиара на шестьдесят восемь миллиардов просмотров и он брови не сожмет.

— Ты... — нерешительно начала Линь Юэюэ. — Ты совсем не злишься?

«Линь Юэюэ» посмотрела на нее.

Эти круглые миндалевидные глаза — собственные глаза Линь Юэюэ — в искусственном свете отливали светло-карим блеском. Но сейчас в них не было ни привычного восторженного блеска, ни суетливости, лишь холодный, пристальный анализ.

— А гнев разве чем-то поможет?

Четыре коротких слова намертво запечатали любые дальнейшие вопросы.

Затем чужое тело качнулось, пытаясь сменить позу, но из-за еще не до конца восстановившегося уровня сахара в крови движение вышло смазанным, и плечи качнуло из стороны в сторону.

Линь Юэюэ рефлекторно подалась вперед, чтобы поддержать ее.

Стоило ее пальцам коснуться плеча «Линь Юэюэ», как та отпрянула назад, словно ее ударило током.

Движение получилось скупым, но отчуждение читалось в нем безошибочно.

Линь Юэюэ смущенно отдернула руку: — Я... я просто хотела помочь тебе удержать равновесие.

— Не нужно. — «Линь Юэюэ» опустила ресницы, и голос ее стал еще суше. — Сейчас ты пользуешься моим телом, не стоит без нужды распускать руки.

Пользоваться чужим телом.

То, к чему она только что прикоснулась — ее собственная, родная плоть.

Но для Су Синьхао это тело — «чужое».

Линь Юэюэ молча сунула руки в карманы худи.

— Я поняла, — тихо пробормотала она. — Тогда... давай обменяемся WeChat? То есть — твой телефон в моем теле, мой телефон в твоём. Для удобства связи. Вдруг что-то срочное случится...

— Ладно. Только следи за тем, чтобы никто не узнал, иначе нас обвинят в тайных связях с фанатками.

Су Синьхао извлек из кармана мобильник.

Линь Юэюэ поспешно выхватила свой аппарат — тот самый, что принадлежал Су Синьхао, — и активировала сканер QR-кодов. На экране высветился профиль. Ее собственный WeChat.

На аватарке красовался ее рыжий кот по кличке Няньгао, сладко зевающий прямо в камеру.

Обложка моментов пестрила совместными фото Чжу Чжисиня и Су Синьхао.

А в статусе значилось: «Парочка Чжу-Су — чистейшая правда, возражения не принимаются!».

Линь Юэюэ вспыхнула до самых кончиков ушей.

Катастрофа.

Она совершенно позабыла, в каком стиле оформлена ее страница.

Разумеется, «Линь Юэюэ» на больничной койке уже беззастенчиво листала ее ленту.

Свежайший пост все еще висел на самом видном месте:

[Юэюэ сегодня снова пашет как пчелка: а-а-а-а, совсем скоро я увижу Су Синьхао, я умерла, я ожила, я умерла прямо здесь и воскресла! Су-Шэнь, умоляю, обрати на меня свой взор и отъимей меня во все щели!!!] — и прикрепленная сетка из девяти фотографий с мерчандайзом для поддержки на автограф-сессии.

На финальном кадре крупным планом красовалась ее фанатская лента: градиент розового и голубого, золотое тиснение, гласившее: «Чжу-Су истинны во веки веков».

Линь Юэюэ была готова провалиться сквозь землю.

— Э-э... это я могу объяснить...

— Объяснения излишни. — «Линь Юэюэ» экраном вниз положила телефон на постель, выражение ее лица осталось непроницаемым. — Я знаю этот пейринг. Среди моих поклонниц таких много.

Тон по-прежнему оставался ровным.

Но почему-то Линь Юэюэ не покидало жуткое ощущение, что за этой безмятежной маской скрывается нечто такое, чего она категорически не в силах расшифровать.

— Тогда... — с замиранием сердца выдавила она. — Тебе... тебе не противно? В смысле... я в твоём теле буду смотреть контент с шипперингом тебя и Чжу Чжисиня... Клянусь, я ни за что не стану творить от твоего имени никаких глупостей!

«Линь Юэюэ» бросила на нее долгий взгляд.

Взгляд этот оказался на редкость многослойным.

— Обсудим это позже. Тебе пора возвращаться.

— Что?

— Сейчас ты — Су Синьхао, — голос собеседницы слегка понизился, приобретя железобетонную непреклонность. — Если персонал клиники просечет, что ты посреди ночи тайком сбежал из палаты, в какие заголовки это выльется завтра? Тебе наплевать, а мне моя репутация дорога.

Эти слова подействовали на Линь Юэюэ эффективнее ушата ледяной воды.

Она вдруг сообразила, что с того самого мгновения, как она выскользнула из палаты, каждая её секунда ставит под удар публичный образ Су Синьхао.

Если вскроется правда...

Её прошиб пот, и она поспешно поправила защитную маску.

— Я ухожу. Ты... ты береги себя, — вырвалось у нее, и лишь в ту же секунду до нее долетел весь комизм фразы: она просила беречь здоровье собственное тело, принадлежащее теперь другому человеку.

— И ты тоже.

Ответ Су Синьхао был столь же лаконичен.

Линь Юэюэ сделала несколько шагов к выходу, но замерла и бросила прощальный взгляд назад.

Ее собственная оболочка тихо сидела на больничной койке, опустив голову и разглядывая собственные руки — похоже, изучала анатомию нового тела. Бант на макушке слегка перекосился, широкий воротник белой футболки обнажал ключицу.

Раньше, глядя в зеркало, она никогда не замечала во всем этом ничего особенного.

Но сейчас, оценивая картину с позиции Су Синьхао, эта девичья фигура казалась пугающе чужой.

Неужели это она?

Или перед ней и вправду теперь исключительно тело Су Синьхао?

Линь Юэюэ не осмелилась развивать эту мысль дальше, надвинула козырек кепки поглубже и быстрыми шагами покинула смотровую.

К моменту возвращения в больницу Сехэ стрелки часов показывали час ночи.

Линь Юэюэ без происшествий проскользнула в палату и в дальнем конце коридора заметила молодого помощника менеджера — тот клевал носом, устроившись на стуле, рискуя залить слюной лацкан пиджака.

Она на цыпочках пробралась внутрь, заперла дверь, сбросила кепку, маску и худы, облачившись обратно в больничную пижаму.

Затем нырнула под одеяло и уставилась в черноту потолка.

Соседняя койка пустовала, в палате царила такая зловещая тишина, что отчетливо слышался собственный пульс.

Она попыталась зажмуриться.

Но перед внутренним взором неотступно крутились те же кадры.

Су Синьхао смотрит на нее ее глазами.

Су Синьхао говорит ее голосом.

Су Синьхао произносит: «Ты проживешь моей жизнью, а я — твоей».

Казалось бы, первый шоковый этап позади.

Но она прекрасно понимала: настоящий кошмар только начинается.

Теперь она — Су Синьхао.

Су Синьхао — участник суперпопулярного мужского музыкального коллектива, его график забит под завязку: репетиции, съемки, бесконечные публичные мероприятия.

А она — закомплексованная девушка, начинающая заикаться от паники даже на собеседованиях в университетский клуб. Каким образом ей удастся успешно изображать топового айдола в этом теле?

Эти вопросы выростали перед ней горными хребтами, давя на грудь так, что воздух застревал в горле.

Но усталость брала свое.

Этот бесконечный день выпил из нее все соки, исчерпав и физический, и моральный ресурс.

Сознание медленно поплыло в густом тумане и, наконец, провалилось в глухую, без снов, темноту.

В семь утра следующего дня в дверь палаты требовательно постучали.

— Су Синьхао? Ты проснулся?

Линь Юэюэ резко распахнула глаза, потратив несколько секунд на лихорадочные раздумья о том, к кому это обращаются.

Точно. Она же в теле Су Синьхао, теперь она — Су Синьхао.

— Пр... проснулся! — как можно ближе к привычной интонации Су Синьхао бросила она, но сонная связка неприятно хрипела, отчего фраза прозвучала так, будто он смертельно раздражен.

Дверь отворилась, и менеджер Ли — женщина решительная и быстрая на подъём — влетела в комнату, держа в руке увесистый термопакет.

— Каша и паровые булочки, ешь пока горячее. — Она грохнула пакет на прикроватную тумбочку, скрестила руки на груди и свысока окинула подопечного взглядом. — Как спалось?

— Нормально, — осторожно процедила Линь Юэюэ, пытаясь воспроизвести фирменный стиль общения Су Синьхао.

Лаконично. Прямолинейно. С легким налетом нетерпения.

— Раз нормально, значит, порядок. — Сестра Ли кивнула, устроилась на стуле у изголовья и вытащила смартфон с открытым блокнотом. — Вчерашние результаты КТ готовы, критических повреждений нет, легкое сотрясение мозга, пару дней постельного режима — и огурчиком. Компания уже выпустила официальное заявление: мол, поскользнулся во время интерактива на автограф-сессии, доставлен в больницу для профилактики, угрозы здоровью нет. Чуть позже закинь в Weibo пост с успокоительным текстом для фанатов.

— Угу.

— После обеда выписываемся, за тобой пришлют служебный минивэн до общежития. Завтра в четырнадцать ноль-ноль — хореографическая репетиция нового трека, готовимся к музыкальному фестивалю в конце месяца.

Ложка в руке Линь Юэюэ замерла на полпути к рту.

Репетиция.

Новая песня.

Хореография.

Как она могла про это забыть?!

Су Синьхао в группе отвечает за танцевальную линейку, славясь взрывной подачей и безупречным контролем тела. Его сольные фанкамы неизменно собирают миллионы просмотров, а фанаты окрестили парня ходячим метрономом и живым учебником хореографии.

А она, Линь Юэюэ...

На физкультуре в университете выбрала тайцзицюань и едва не завалила зачет.

— Э-э... — с трудом сглотнув густую кашу, выдавила она. — А завтра мы репетируем... какой трек?

Ли с недоверием покосилась на него: — Ты от удара головой память потерял? Заглавка с нашего грядущего миньона следующего месяца, Love is dangerous.

Love is dangerous.

Линь Юэюэ мысленно повторила название три раза.

Она прекрасно знала этот трек.

Тизеры клипа уже собрали две версии, обсуждения в фандомах кипели котелком. Припев, судя по спойлерам, хореограф поставил на уровне «адской сложности», и Чжу Чжисинь в недавнем эфире жаловался, что прогнать танец целиком — это отдать половину жизни.

И эту связку ей нужно выучить до завтрашнего полудня.

Притом что она еще толком не научилась нормально переставлять ноги в теле Су Синьхао.

— Что-то не так? — заметив перемену в лице подопечного, уточнила Ли. — Голова раскалывается? Хочешь денек отлежаться?

— Не нужно! — сработал у Линь Юэюэ защитный рефлекс. — Завтра я готов репетировать, справлюсь.

Едва слова сорвались с языка, ей захотелось отвесить себе пару оплеух.

К чему этот фанатизм?!

Но отступить она не смела. Если Ли заподозрит неладное в состоянии Су Синьхао, потащит его на повторное обследование или, чего хуже, отменит его выступления — карьере парня придет конец.

Она и так уже превратила его в девчонку, нельзя допустить, чтобы он еще и работу потерял.

Ли удовлетворительно кивнула: — Ладно, тогда отдыхай. Вернешься в общежитие — никаких глупостей, набирайся сил к завтрашней пахоте.

— Хорошо.

— И еще... — Менеджер помедлила секунду, понизив голос: — Ты вчера после инцидента... с Чжу Чжисинем поосторожнее будь.

Сердце Линь Юэюэ пропустило удар: — В смысле — поосторожнее?

— Не держись слишком близко, — в голосе Ли проскользнули странные нотки. — Компания сейчас перестраивает концепцию вашей связи, продвижение пейринга постепенно сворачивают. Общаться, конечно, никто не запрещает, но откровенно сентиментальные жесты лучше сократить. В сети и так слишком много домыслов, а фансервис — палка о двух концах, сама понимаешь.

Линь Юэюэ остолбенела.

Пейринг Чжу-Су собираются расформировать?

Точнее, корпорация решила сознательно снизить градус их экранной химии.

Для закоренелой шипперши подобная новость звучала как гром среди ясного неба.

Но выступая в роли «Су Синьхао», ей оставалось лишь смиренно кивнуть: — Понял.

Менеджер дала еще пару напутствий и удалилась.

В палате воцарилась тишина.

Доев последнюю булочку, Линь Юэюэ откинулась на подушки и потянулась к смартфону, собираясь глянуть ленту Weibo, но вовремя вспомнила, что теперь её учетная запись — это аккаунт Су Синьхао.

Она вошла в его официальный профиль.

Фолловеры: восемь миллионов.

Непрочитанные сообщения: 999+.

Личные сообщения: отключены.

Долго вглядываясь в эту цифру «восемь миллионов», она со вздохом заблокировала экран.

Послеобеденный выписка прошла без сучка и задоринки.

Служебный автомобиль компании доставил ее прямо на подземную парковку, и Ли проводила ее до дверей общежития. Общежитие представляло собой комфортабельные апартаменты, арендованные агентством для участников: у каждого имелась отдельная спальня, а гостиная и кухня были общими.

Линь Юэюэ впервые переступила порог личного пространства Су Синьхао.

Его комната оказалась куда чище, чем она воображала.

Постель заправлена с линейной точностью, на письменном столе красуются ноутбук и пара книг по теории музыки. Дверца гардероба приоткрыта — внутри безупречно рассортированы сценические костюмы, повседневная одежда, спортивная форма. В углу прислонилась акустическая гитара, на ладах которой лег тонкий слой пыли — судя по всему, к инструменту давно не прикасались.

— Все вещи здесь, разбирайся сам, — бросила на проход Ли и отбыла, напоследок вновь напомнив о завтрашнем времени сбора.

Стоило двери захлопнуться, как Линь Юэюэ шумно выдохнула.

С самого утреннего пробуждения она словно ходила по струнке, панически боясь сболтнуть лишнего или оступиться. Теперь же, оставшись в полном одиночестве, она могла наконец сбросить эту удушающую маску.

Некоторое время она просто стояла посреди комнаты, не зная, за что схватиться.

А затем ее пронзила чудовищная догадка.

Ей нужно в туалет.

С самого вчерашнего вечера этот естественный вопрос оставался нерешенным. В больнице спасало постоянное напряжение, но стоило телу расслабиться, как давящая нужда напомнила о себе со страшной силой.

Линь Юэюэ приросла к полу.

Началось.

Самое страшное испытание.

Сделав глубокий вдох, она решительным шагом направилась к двери санузла.

Стоило распахнуть ее, как взгляд неизбежно столкнулся в зеркале с отражением «Су Синьхао».

Все тот же вчерашний вид: растрепанные пряди, бледное утомленное лицо, но глаза — те же живые, ясные глаза.

Не смея больше задерживаться на зеркале, она опустила голову и приблизилась к унитазу.

И замерла.

Стоя?

Ни за что. Никогда. Ни в коем случае.

Она физически не могла себя заставить.

Она девушка. И пусть физическая оболочка сменила пол, ее сознание, ее мозг и выработанные за два десятка лет рефлексy оставались женскими. Сделать это стоя — нет, увольте.

Залившись краской до корней волос, Линь Юэюэ на ватных ногах опустилась на сиденье.

Глаза зажмурены наглухо.

В мыслях непрерывным потоком крутится мантра очищения ума.

Не смотри на то, что неприлично, не слушай то, что противно, не делай того, что...

Когда раздался звук льющейся воды, ее лицо горело так, будто на нем можно было жарить яичницу.

Прости, Су Синьхао.

Тысячу раз прости.

Я пользуюсь твоим телом для сугубо утилитарных нужд, но клянусь, я не извращенка, я ничего не разглядывала и ни к чему лишнему не прикасалась!

Вывалившись из ванной комнаты, она чувствовала себя так, будто провела часовой спарринг на ринге — полная опустошенность.

И это был лишь разогрев.

Что делать с ужином? Стоит ли показываться в гостиной, вдруг там кто-то из ребят? О чем с ними разговаривать?

Как принимать душ? Как репетировать завтра?

Опустившись на краешек кровати, Линь Юэюэ закрыла лицо ладонями.

И тут её озарила еще одна мысль.

Схватив с тумбочки телефон, она открыла историю переписки Су Синьхао с Чжу Чжисинем.

Последнее сообщение датировалось вчерашним вечером.

[Чжу Чжисинь: Она в смотровой палате больницы Чаоян, ничего страшного, просто упал сахар. Не накручивай себя.]

Дальше листать она не стала.

Уходя из диалога, она заметила контакт с пометкой «Чжан Цзи», последнее сообщение от которого пришло вчера днем.

[Чжан Цзи: Брат, ты как? Слышал от Чжисиня, ты навернулся?]

[Су Синьхао: Нормально, завтра буду.]

На это сообщение она ответить не успела.

Точнее, ответила, но сама не запомнила когда.

Судя по всему, от страшной усталости мозг отключился прямо в процессе, и она ответила на автопилоте, провалившись в сон.

Хотя погодите.

Не на автопилоте.

Это она сама и написала, просто стерла из памяти.

В тот момент она так вымоталась, что черкнула паренек ответ спросонья.

Линь Юэюэ тряхнула головой, отгоняя лишние детали.

Сейчас имела значение ровно одна вещь.

Она открыла видеоплатформу и вбила в поисковую строку: «Су Синьхао Love is dangerous фанкам танца».

Ничего.

Сингл еще не вышел официально, записи хореографии существовали только в закрытых черновиках лейбла.

Тогда она вбила «Су Синьхао репетиционный зал танцы».

Выпало несколько десятков роликов. Самые ранние относились к временам стажерства пятилетней давности, самые свежие — к недавней репетиции камбэка.

Кликнув на видео с максимальным количеством просмотров, она пристроила смартфон на столе и глубоко вздохнула.

Начинаем обучение.

Для начала — база.

Она попыталась повторить за Су Синьхао из видео простейшее движение волной, после чего столкнулась с жестокой реальностью: обладание телом Су Синьхао автоматически не делает тебя мастером танца.

Мышечная память существовала.

Стоило музыке зазвучать, как отдельные участки тела сами собой начинали дергаться в такт, опережая мозг. Но загвоздка заключалась в том, что сам мозг за телом не поспевал.

Корпус рвется влево, а сознание орет — вправо.

Мышцы требуют усилий, а разум приказывает расслабиться.

В итоге движения получались дергаными, ритм сбивался, а со стороны это напоминало

конвульсии выброшенного на берег осьминога.

— Не то, не то, не то... — выдохнула Линь Юэюэ, хватаясь за край стола и тяжело дыша.

Выносливость Су Синьхао превосходила все ожидания — протанцевав добрую половину отрывка, он лишь слегка вспотел. Если бы в этом танце участвовало ее родное тело, она бы уже валялась без чувств на полу.

Но толку от выносливости, если хромает координация?

Повторив попытку еще несколько раз и не добившись успеха, она сменила стратегию.

Она отыскала тизер клипа Love is dangerous и выставила его на зацикленное воспроизведение на замедлении 0.5. Всего лишь десяток секунд припева — и она прокручивала этот отрезок не меньше сотни раз.

Затем включила фронтальную камеру телефона и стала танцевать перед ней, раз за разом записывая результат.

Смотришь запись.

Ищешь косяки.

Танцуешь снова.

Снова запись.

Снова анализ.

Заново.

За окном день сменялся сумерками, а сумерки густой ночной тьмой.

Телефон за время репетиции трещал несколько раз. Один раз пришло уведомление из беседы под названием «Что сегодня жрем, третье поколение?», где кто-то интересовался: «Су Синьхао, ты идешь сегодня жрать хого?».

Она проигнорировала.

В другой раз трезвонил WeChat — звонок от абонента с лаконичной подписью «Мама».

Колеблясь секунду, она сбросила вызов.

Не то чтобы ей не хотелось ответить — она смертельно боялась.

Голос мамы Су Синьхао она слышала только в официальном контенте, а как выстраивать с ней диалог вживую, не представляла ни малейшего понятия. Вдруг проколется?

Сбросив вызов, она еще долго сверлила взглядом экран, после чего набрала короткое текстовое сообщение:

[Су Синьхао: Занят, наберу позже.]

Ответ прилетел мгновенно: короткое «Хорошо» и стикер «Мама ждет твоего звонка».

У Линь Юэюэ защипало в носу.

Ее собственный телефон — нет, телефон «Линь Юэюэ» — тоже принимал мамины сообщения. Сегодня утром.

[Мама: Юэюэ, ты же говорила, что едешь на концерт, почему не отвечаешь? Все в порядке?]

Су Синьхао уже ответил за нее.

[Юэюэ: Все хорошо, мам, батарейка села, я уже дома.]

Тон абсолютно естественный, скопирована даже фирменная привычка расставлять знаки препинания.

Су Синьхао прикрывал ее перед мамой.

Это осознание поднимало со дна души сложнейшую гамму чувств. Благодарность? Или еще более тяжелое чувство вины? Разобраться не получалось.

Она силой вернула фокус внимания к танцу.

К десяти часам вечера злосчастный десяток секунд припева стал получаться целиком. Плавность движений дотягивала примерно до шестидесяти процентов от уровня Су Синьхао, а вот вложение сил и взрывная динамика — едва ли до сорока.

Этого мало.

Катастрофически мало.

Если завтра она выйдет с таким уровнем к остальным участникам, халтуру раскусят моментально.

Линь Юэюэ стерла пот со лба и запустила музыку с самого начала.

Одиннадцать.

Двенадцать.

Час ночи.

Она танцевала до судорог в икрах, до ватных коленей, до того момента, когда каждое приземление на паркет стало отдаваться тупой болью в суставах, словно она прыгала на пуховые перины.

Но остановиться она не смела.

Стоит прекратить — и всё вскрыется.

А вскрыется — значит, Су Синьхао пойдет ко дну.

Она должна ему, и этот долг необходимо вернуть.

В половине второго ночи, когда она крутилась перед зеркалом, выверяя угол поворота корпуса, в дверь комнаты раздался стук.

Тук-тук-тук.

Линь Юэюэ от испуга вздрогнула всем телом и чуть не подвернула ногу.

– Су Синьхао?

Из-за двери донесся мужской голос — в нем слышалась утренняя хрипотца и легкое недоумение.

– Ты чего среди ночи один в комнате танцуешь?

Сердце Линь Юэюэ на секунду остановилось.

Она узнала этот голос.

Чжан Цзи.

Сотый участник группы Су Синьхао, живший в соседней комнате.

Тишина.

В голове у нее было абсолютно пусто.

– Су Синьхао? – голос за дверью стал чуть ближе. – Ты в порядке? Не пугай меня, ты же только вчера ударился головой...

– Всё в порядке!

Линь Юэюэ бросилась к двери и постаралась заговорить через доски как можно ближе к манере Су Синьхао.

– Просто... не спится, разминаюсь.

За дверью на несколько секунд воцарилась тишина.

– Разминаешься? – в голосе Чжан Цзи явственно сквозило сомнение. – Ты же раньше по ночам если и разминался, то только за написанием музыки, с каких пор это переросло в танцы?

Мозг Линь Юэюэ заработал на предельной скорости.

– Врач сказал, при сотрясении нужно больше отдыхать и нельзя смотреть в экран. Вот я и... просто подвигаюсь немного, – пробормотала она заикаясь, хорошо хоть через толщу двери это было не так заметно. – Иди спать, я тоже ложусь.

За дверью снова на мгновение затихли.

Затем голос Чжан Цзи стал серьезным:

– Су Синьхао, ты случайно ничего от нас не скрываешь?

От этих слов сердце Линь Юэюэ снова заколотилось с бешеной силой.

Он догадался?

Невозможно. Чжан Цзи не небожитель, он никак не мог сквозь закрытую дверь понять, что у этого тела теперь другая душа.

Но он явно почувствовал неладное.

Каковы привычные поведенческие паттерны Су Синьхао? Что он делает, если не спит по ночам? Что любит есть? Каким тоном привык разговаривать?

Она не знала ничего.

Все ее познания об этом человеке ограничивались лишь фрагментами, виденными на экране.

А человек на экране и человек в реальной жизни — далеко не одно и то же.

– Ничего такого, – она сжала дверную ручку, стараясь придать голосу ровное звучание. – Правда просто не спится. Завтра репетиция, я немного нервничаю.

- Ты нервничаешь? - в голосе Чжан Цзи наконец промелькнула легкая улыбка. - Ладно уж, солнце сегодня явно не с той стороны взошло. Давай ложись уже, хватит прыгать, если соседи снизу будут жаловаться, я за тебя отдуваться не стану.

- Понял.

Шаги стали удаляться.

Линь Юэюэ прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол, ее спина была мокрой от холодного пота.

Чуть не прокололась.

Она опустила взгляд на собственные руки.

Руки Су Синьхао дрожали.

Не от усталости — от страха.

В ту секунду ей казалось, что она уже разоблачена. Если бы Чжан Цзи настоял на том, чтобы войти, если бы при свете ламп внимательно взгляделся в ее лицо...

Она боялась даже думать об этом.

Линь Юэюэ долго сидела на полу, пока ее сердцебиение не пришло в норму.

Затем она поднялась, подошла к письменному столу и взяла телефон.

На экране все еще была открыта пауза видео: Су Синьхао запечатлен на ней в самом финальном фиксированном движении — руки вытянуты, а кончики пальцев замерли точно в воздухе.

Это движение она пробовала повторить уже сорок семь раз, но до сих пор не могла сделать его правильно.

Она долго смотрела на этот кадр.

Потом вышла из видео, открыла браузер и ввела в поисковую строку:

«Как быстро привыкнуть к новому телу»

Результаты поиска состояли сплошь из фэнтезийных романов.

Она поискала снова:

«Как быстро улучшить координацию тела»

На этот раз выпала куча фитнес-уроков.

Она добавила их все в избранное, решив заняться ими сразу после пробуждения.

Сейчас уже было два часа ночи.

А завтра ей предстояло предстать в этом теле перед целой группой.

Целой командой давних товарищей Су Синьхао, которые знали наизусть каждую его привычку.

Один только Чжан Цзи едва не вывел ее на чистую воду.

Завтра будут Чжу Чжисинь, Чжан Цзи, Чжан Цзэюй, Цзо Хао...

Каждый из них.

Каждый станет испытанием.

Линь Юэюэ выключила свет, легла в темноте на кровать и широко открыла глаза.

Раньше она бесчисленное количество раз воображала себе встречу с друзьями Су Синьхао. Мечтала, как они будут вместе есть и болтать, как станут друзьями.

Но она никогда не представляла себе ничего подобного.

В роли Су Синьхао.

С грузом страха быть разоблаченной.

Каждое слово нужно взвешивать.

Каждое выражение лица контролировать.

Каждый взгляд в глаза — риск.

Она перевернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку.

От подушки исходил слабый аромат, должно быть, запах шампуня. Именно тот, которым пользовался Су Синьхао. Раньше она покупала пробник с точно таким же ароматом — стоил он безумно дорого, и она позволяла себе капельку лишь по самым важным поводам.

Теперь же она целиком утопала в этом запахе.

Нереально.

Все было слишком нереально.

Линь Юэюэ закрыла глаза.

Каким будет завтрашний день?

Сможет ли она продержаться?

Она не знала.

Но в одном она была уверена —

уступать назад уже поздно.

Экран телефона внезапно ярко вспыхнул.

Пришло сообщение в WeChat.

От контакта Линь Юэюэ.

У нее ёкнуло сердце, и она торопливо открыла чат.

[Линь Юэюэ: Во сколько завтра репетиция? Скинь адрес.]

Никаких приветствий и любезностей, сразу вопрос по делу.

Чисто в стиле Су Синьхао.

Линь Юэюэ набрала время и место репетиции, отправила, помедлила немного и добавила еще одну строчку.

[Су Синьхао: Ты придешь?]

На том конце на несколько минут повисло молчание.

Затем пришел ответ.

[Линь Юэюэ: Моя собственная репетиция, с какой стати мне не приходиться?]

От этого ответа Линь Юэюэ замерла.

И правда.

Су Синьхао, разумеется, придет.

Это его песня, его танец, его команда, его жизнь.

Хотя тела и поменялись местами, как он мог отсутствовать?

Он обязан явиться.

В облике Линь Юэюэ, стоя за дверью репетиционного зала.

Или внутри него.

Линь Юэюэ живо представила эту картину:

она изо всех сил старается изобразить танцующего Су Синьхао посреди репетиционного зала, а настоящий Су Синьхао наблюдает за ней из угла ее собственными глазами.

Если у нее ничего не выйдет.

Если она испортит эту песню.

Что подумает Су Синьхао?

Линь Юэюэ прижала телефон к груди, и остаточное тепло от экрана передалось через больничную робу на кожу.

Она тихонько прошептала в потолок:

- Су Синьхао, постарайся не разочароваться во мне завтра.

Никто не ответил.

За окном лишь монотонно гудел внешний блок кондиционера, словно какое-то зловещее предзнаменование.

<http://bllate.org/book/20903/2113173>